

Мастерская

24 ноября №11

Вестник томских писателей

ЮБИЛЯРЫ 2024 ГОДА

Михаил Андреев – 6 января 70 лет
Татьяна Мейко – 12 января 60 лет
Ирина Евтихиева – 15 января 65 лет
Николай Серебренников – 27 января 70 лет
Оксана Чайковская – 15 февраля 55 лет
Владимир Крюков – 11 апреля 75 лет
Сергей Куклин – 9 мая 65 лет
Кирилл Хамов – 18 июня 40 лет
Александр Цыганков – 12 августа 65 лет
Сергей Максимов – 1 сентября 65 лет
Елена Кириллова – 18 сентября 65 лет
Олег Кислицкий – 25 ноября 70 лет

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТУДИЯ «ПРО ТЕКСТ»

успешно работает в областном доме искусств

На очередном занятии перед студийцами выступил писатель в жанре славянского фэнтези Павел Беляев. Он прочитал лекцию «Тайный смысл русских сказок». Состоялся интересный диалог. Слушатели выяснили, зачем бабка с дедом положили на окно колобок и чему на самом деле учит эта история. Сказки, знакомые с детства, с которыми мы выросли, затем выросли наши дети и внуки, мы воспринимаем как сказки. И как-то не задумываемся о том, что у этих сказок была изначальная основа, уходящая корнями к нашим предкам, древним славянам. В этот мир и вернул слушателей резидент студии «Про Текст» Павел Беляев.

В этом году Дом искусств развернул проект «Литературная Сибирь в прошлом и настоящем», поддержанный Российским фондом культуры. Многие мероприятия проходят в рамках именно этого проекта. С лекцией «Шишков и Обручев: томские ученые в литературе» выступила Ксения Баталова. Это встреча была приурочена к юбилею известного писателя и инженера Вячеслава Шишкова и выдающегося политехника, геолога, палеонтолога, географа и писателя Владимира Обручева. Гость литературной студии, писатель, филолог, директор музея В.В. Набокова в Петербурге Андрей Аствацатуров проведет беседу «Советы молодому литератору», в которой расскажет о стратегиях литературного творчества, принципах и задачах автора, о роли литературной традиции в жизни писателя.

ЗАВЕРШАЯ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОД

Начало
века 2023
№ 4

Подготовлен к печати четвертый номер журнала «Начало века», последний в этом году. Причудливый зимний пейзаж на обложке создал художник Павел Чечкеев.

Номер открывается печальным сообщением:

«Томская и российская культура понесли большую утрату. Умер Александр Петрович Казаркин. Он родился в деревне Дресвянка Новосибирской области в крестьянской семье. Поступил в Томский университет на историко-филологический факультет, который с отличием окончил в 1968 году. В 1990 году он защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук. Немало ярких страниц посвятил он жизни и творчеству сибирских авторов. Он вернул современному читателю книги большого писателя Георгия Гребенщикова. Он писал о Г.Н. Потанине, В.А. Обручеве, Н.И. Наумове, о сибиряках-современниках.

Александр Петрович ушел из жизни, полный творческих сил и новых замыслов. Оттого особенно горько переживается этот уход. Память о нем сохранится в сердцах его коллег-ученых, его учеников, его товарищей по писательскому делу».

Незадолго до ухода Александр Петрович передал в журнал свои рассказы, которые и печатаются на первых страницах издания.

Вообще проза представлена очень разнообразно. Крепкие рассказы любимого читателями Дмитрия Иванова соседствуют со своеобразной сказкой Александра Муленко, различными по манере и подходу к материалу историями Олега Лапшина и Ольги Аникушиной. А эссе нашего московского гостя Юрия Козлова помогут по-новому взглянуть на судьбы и творчество российских литераторов XX века.

Так же богата поэтическая палитра журнала. Есть кому отдать свое предпочтение. Тут и Ольга Комарова, и Георгий Тороцин, и Сергей Гуреев, и детские стихи Светланы Улановой.

В рубрике «Память» рассказывается об асиновском журналисте Павле Сукачёве, оставившем след в памяти своих современников.

О работе с Е. К. Лигачевым вспоминает З. Барашева.

О русской любви Назыма Хикмета прочитаете в материале Э. Кадетовой.

В «Литературной учебе» большая подборка произведений участников семинара «Томский класс». Наверняка вы с интересом прочитаете прозу и стихи молодых.

В областной библиотеке имени Пушкина открылся ежегодный фестиваль «Томская книга»

ЗАБЫТАЯ ЗИМА

Глубокая осень, всё облетело, замёрзло. Мне шесть лет, одиноко слоняюсь по холодному, безлюдному двору. Играть не с кем. Зашёл к Мишке – он ещё не обедал, к Андрюшке – простыл, мама не пускает... Меня самого с трудом отпустили в такую погоду: мама одела в тёплое пальтецо, подняла воротник и под самый подбородок завязала шарфом – ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Грустно в нашем дворе. Пoblёскивают инеем окостеневшие, точно опалённые чем-то золотые шары под окнами дома, щетинится у забора почерневший бурьян, под ногами похрустывают ледком мелкие лужицы. Кажется, лето не ушло, а съёжилось и остекленело, словно злой колдун коснулся его своим посохом, и, если сильно захотеть, его ещё можно расколдовать. А нам, не наигравшимся в этом лете ребятишкам, хочется. Мы желаем играть дальше, желаем, чтобы лето продолжалось всегда.

Но оно не расколдовывается, становится всё холоднее. Прошла полоса дождей и слякоти, утренники подсушили землю, окаменели тропинки, город сбросил с себя последние зелёные одежды. И вот я тоскливо брожу в хмуром дворе с серыми, нахохлившимися сараями, потемневшими от непогоды поленницами и голыми деревьями, не знаю, чем заняться.

Вот старая, вросшая в землю песочница. Лениво ковыряю ногой бугры смешанного с землёй и опавшими листьями песка, они закаменели от холода. Из этого камня торчит чей-то забытый, оставшийся от наших летних игр совок. Пинаю его – ни с места.

У забора, как длинные руки, раскинула корявые ветви старая талина, к которой привязана бельевая верёвка. У неё почти не облетели, остались зелёными листья. Всё лето мы, ребятишки, лазили по её толстым рукам-ветвям, прыгали вниз, а теперь она стоит всеми забытая, и скрюченные листья, как железо, звенят на ветру.

А вот в углу двора, где ещё в августе стеной стояли крапива и конопля, и мы, проделав в них ходы-коридоры, играли в прятки, теперь торчат в небо мёртвые дудылья, засохшие колючки репья. Они – точно погибшие в неравном бою, но оставшиеся стоять стражи замерзающего лета. Глядя на них, я вспоминаю королей и придворных из сказки «Щелкунчик», которых превратил в статуи Мышиный король.

Холодно. Злой ветерок забирается в рукава пальтишки, перекачивает по окаменелой земле мёртвые листья. Через пустой двор, как тень, торопливо пробегает кошка. Юрк-

нула куда-то под дом, в тепло... Я смотрю на наш дом: над старыми кирпичными трубами вьются дымки. Над трубой вросшего в землю флигеля, где живёт Андрюшка, – тоже. Весь старый деревянный Томск уже топят печи.

Смотрю на Мишкины окна: сидит он дома, в тепле, а я тут мёрзну!..

Во двор с улицы заходит сосед дядя Валера. Идёт торопливо, видно, что замёрз.

– Гуляешь? – бросает мне на ходу. – А что один? Беги домой, холодно.

И тоже скрывается в доме.

Совсем тоскливо. Я один в этом до костей продрогшем мире, где остались только стывшая земля да холодный ветер. Кажется, ещё немного, и всё умрёт, уснёт навсегда, никогда не будет уже солнца, тепла, зелёных деревьев!.. Я тупо бью прутиком по замёрзшей луже. Охота зареветь.

Не сразу замечаю, что вокруг что-то происходит. Посреди двора вдруг появляется стайка белых мушек: непонятно,

кто и откуда вбросил их в этот серый мир. Мне кажется, они влетели из-за забора, из соседнего двора. Маленькие, редкие, они несмело кружатся, пропадают, коснувшись земли. Но появляются новые, все больше, пустой голый мир вдруг, как в сказке, заполняют белые хлопья. И пуста исчезает.

Я с изумлением смотрю, как от неба до земли теснятся, толкуются в воздухе снежинки, соединяют в одно целое наш старый дом, сараи, разлапистую талину, всю ставшую пёстрой и праздничной вселенную. Вдруг становится хорошо, кажется, даже тепло. Краплённые белыми снежинками серые сараи, чёрный бурьян стали волшебными, весь двор словно завернут в прозрачный тюль. Забелели на земле складки и ямки, доски у сарая... Из низенького, почти касающегося земли Андрюшкиного окна смотрит удивлённая кошка, округлившимися глазами следит за пляшущими за стеклом, невесть откуда налетевшими белыми мухами, ловит их лапкой.

Так это же зима! В шесть лет ещё плохо сознаёшь, что такое времена года, заигравшись в огромном лете, забываешь про зиму. Но вот щёк моих коснулись первые снежинки, и я сразу вспомнил то белоснежно-сверкающее, обжигающее лицо, что было до этого лета. Оно возвращается, торопится, уже недалеко, там, за покосившимся забором, из-за которого влетела стая снежинок! Как весело было тогда в этом огромном, белоснежно-сверкающем! Я вспомнил заметённый огромными сугробами двор, свисающие с крыш домов и сараев, как диковинные изваяния, тяжёлые снежные козырьки, и то, как мы, ребятишки, лазили по этим заснеженным крышам, прыгали вниз в острые, зализанные ветром гребни сугробов. И то, как долгими тёмными вечерами над печными трубами поднимались, уходили в морозный космос дымы, и горели над ними звёзды, и под звёздами мы катались с ледяной горки у забора... Зима, как хорошо, что ты есть! Жизнь продолжается!

Из дома выбегает Мишка – он, наконец, пообедал. На бегу цапает с перил крыльца снег, лепит снежок, кидает в меня.

– Ура-а, в атаку-у! Та-та-та-та! Пах, пах, пах! – орёт Мишка.

Я тоже делаю снежок, кидаю в Мишку. Нам весело, у нас зима! И тот счастливый возраст, когда летом забываешь, что есть зима, а зимой – что есть лето.

2023.

СЕМНАДЦАТЬ МГНОВЕНИЙ ЛЮБВИ

О новой книге Дмитрия Иванова «Боготы дни»

Время, не разделенное на прошлое, настоящее и будущее, современному человеку представить сложно.

Это – образ из Ветхого Завета. В едином божественном времени – в вечности – жили Адам и Ева, до изгнания из рая.

Теперь время восторгов и озарений приходится каждому собирать по крупицам. Сколько накопится за жизнь? Кому как повезёт, и насколько он сам постарается. Не очерстветь душой, не озлобиться, не разучиться восхищаться красотой, быть милосердным, уметь прощать. В общем – сохранить в себе искру божью.

Счастливые часы не наблюдают. Возможно, потому, что попадают в другое измерение – творчества и любви. Где дни пролетают, как часы, а часы – как мгновения.

Пережитых и запечатлённых писателем Дмитрием Ивановым Боготых дней хватило на целую книгу.

«У бога дней много. Отдохни», говорит в повести, давшей название всему сборнику, уставшему с непривычки на сенокосе пятнадцатилетнему внучатому племяннику дед Миша.

А вечером, закулив на крыльце и «пуская дым в темноту, куда-то вверх, на отчётливо-ясный, как тропинка, Млечный Путь», обещает, что «завтре добрый день будет, солнце чисто закаталось».

В «Запахе позднего лета» другой странноватый герой – деревенский на все руки мастер, умеющий буквально всё, Николай Иванович работает не за деньги, не за выпивку, а просто «в помощь». «Очарованной красотой и бесконечностью Вселенной», он больше всего ценит одному ему понятную гармонию, в том числе – и в отношениях людей. И этим он счастлив.

Таких героев в произведениях Дмитрия Иванова – немало. Они по-своему воспринимают жизнь, обострённо чувствуют красоту мира.

В рассказе «Классовый враг» автор попытался нарисовать отрицательного персонажа. Мелкий хозяйчик, выбившийся вдруг из грязи в князи, обсчитывающий наёмных работников Валера, – казалось бы, конченный мироед и кровосос. Но вдруг он заезжает на стройку вместе с больным церебральным параличом ребёнком, безвольно лежащим, как кукла, в машине. И классовая ненависть, ещё недавно переполнявшая обиженных работяг, вдруг улетучивается, и они соглашаются отделать заказчику ещё один объект.

Его повести и рассказы – искренние, светлые и чистые. Прочитав их, хочется жить.

Дмитрий Иванов – писатель-традиционалист. Его стиль и манера письма сформированы под влиянием классической русской и советской литературы.

«Как воспитали когда-то на филологическом факультете Томского университета, ничего другого и не искал», – признаётся он в разговоре и гордится этим.

Убеждён, что писать надо просто. «Чтобы читатель тебе сопереживал, надо, чтобы он тебя, как минимум, понимал».

Он идёт от образа, а не от идеи. «Сначала появляются картина, краски, звуки, настроение, которые не дают покоя, а уже потом под них подвёрстывается идеология, какие-то мысли», – приоткрывает свою творческую лабораторию писатель.

Его небольшие произведения похожи на стихотворения в прозе. Они – ритмичны, живые. Они дышат.

Вдох – рассказчик созерцает окружающую его красоту, словно накапливая силы, выдох – и на читателя накатывает мощная энергетическая волна, уносящая его далеко, в неведомые дали, в заросли белоголовника и морковника, в увалы и березники, где вдали у горизонта голубеют контуры гор, начала большой горной страны, простирающейся до самого Индийского океана. И так – снова и снова. И каждый новый выдох – на порядок мощнее предыдущего. Вплоть – «до неба в алмазах».

Во многих произведениях главный герой автобиографичен, это – воспоминания детства, юности самого писателя.

Южная Сибирь, лесостепь, Саянские отроги, раздольные поля, берёзовые колки, крутолобые увалы. На фоне этих пейзажей развиваются сюжеты доброй половины произведений. Сюда, в село Тюльково Балахтинского района Красноярского края, из года в год приезжал погостить на лето к многочисленным бабушкам и дедушкам мальчик Дима из Томска. И эти самые сильные и яркие впечатления начала жизни, открытия мира вдохновили писателя на написание цикла деревенских повестей и рассказов.

Другая ностальгическая тема – старый Томск, где прошла городская, ученическая часть детства писателя – с сентября по май. Того Томска уже практически нет, но его светлый образ возрождается автором в рассказах «Андрюшка в Солнечном городе» и «Забывшая зима».

С годами тематика произведения меняется. Главный герой рассказа «На другом берегу» Андрей Павлович, оказавшись прикованным к инвалидной коляске, переоценивает жизненные ценности. Уставший от городской суеты Виктор в рассказе «Отпуск не по плану» приезжает к престарелому отцу в деревню, чтобы порыбачить и отдохнуть, но, повинувшись внутреннему чувству сыновья долга, тратит весь свой отпуск на восстановление никому не нужного, рухнувшего от старости сарая. Целесообразность трудовых затрат сомнительна, функциональность восстановленного объекта практически равна нулю. Сосед даже язвительно пошутил по этому поводу: «Ну, дядя Коля, будешь сдавать в аренду, кому дрова складывать некуда...» Разве что, как подставка под жестяного петушка на коньке сарая?

Ну – нет! Не – подставка. А – постамент! Как символ возрождения приходящей в упадок родительской усадьбы. Как моральная поддержка для стареющего отца. Разве этого мало?!

В рассказе «Полуверующий» физик-атеист Владимир Иванович на склоне лет приходит к Богу. Тоже символично для нескольких поколений людей, выросших в СССР. В конце книги читатель потерял даже тень сомнений, что автор пишет с себя.

Но, на мой взгляд, именно здесь, даже сам не осознавая того, писатель окончательно расходится со своим литературным героем. В отличие от Владимира Ивановича сам Дмитрий Александрович Иванов – человек в глубине души очень верующий. Он не только умеет восхищаться красотой творения божьего, но и передать её. И любит людей. А что касательно соблюдения обрядов... Две повести и пятнадцать рассказов. Семнадцать озарений-откровений написаны с такой честностью и покаянием, словно автор исповедовался перед читателями, как перед священником в храме.

Дмитрий ГЛИНКА.